

Коллективная апатия: почему россиян больше не пугает пандемия?

За 2 года горожане успели адаптироваться к эпидемии, и теперь пропаганда на них не действует

Алексей Фирсов, социолог, основатель центра социального проектирования «Платформа», председатель комитета по социологии РАСО

За два года эпидемия прошла в общественном восприятии несколько фаз – от импортируемой медийной картинки до внутренней паники, от различной жесткости локдаунов до периодически объявляемых побед над вирусом. Люди успели адаптироваться к этим перепадам и вступили в период апатичного привыкания, в котором реальность расслоилась на две почти параллельные плоскости. В одной из них по-прежнему вращаются пропагандистские механизмы, издаются декреты, вводятся новые ограничения. Во второй идет своя рутинная жизнь, строятся планы, рождаются и умирают (в том числе от коронавируса) люди. Если допустить, что эпидемия продлится еще год, то разделение социального пространства станет тотальным. А если еще 2–3 года, этого срока будет достаточно, чтобы начать вспоминать прежнюю жизнь как дореволюционную Россию в начале 20-х гг. прошлого века: через дымку уже навсегда утраченного мира.

Власть пытается резко встряхнуть ситуацию новыми мерами – вплоть до самых радикальных: запретом на пользование общественным транспортом и посещение публичных пространств без подтвержденной вакцинации. Но вот что интересно: шокового эффекта уже не возникает. Кто-то принимает правила игры, кто-то обдумывает стратегию ускользания, однако во всем этом уже нет состояния чрезвычайности.

Похожие эффекты привыкания случаются и в гораздо более острых ситуациях – например, во время больших войн. Тыловая жизнь уже через несколько месяцев начинает воспроизводить старые формы жизни, разорванные связи постепенно восстанавливаются. Конечно, ощущение тотальной мобилизации вносит свою коррекцию, но интенсивность переживаний момента падает. Эта черта позитивна. Она позволяет населению приспособиться к новому, создать уровни психологической защиты. Люди не могут долго находиться в стрессе – в самом мягком варианте это грозит ростом сумасшедших на улицах, но приводит и к нервным срывам, домашнему насилию. Растет общий уровень психологической неустойчивости.

Высокий уровень адаптивности – особенность российского общества. Правы, конечно, те, кто упрекает его в повышенной пассивности, в страхе перемен. Согласно культурной модели голландского социолога Гирта Хофстеде, уровень избегания неопределенности в России оценивается в 95 баллов из 100 (чем выше, тем меньше склонность к риску), тогда как в США и Великобритании – лишь в 46 и 35 баллов. В странах Азии и Востока готовность принимать неопределенность еще выше: 30 баллов из 100 в Индии и 40 баллов из 100 в Китае. Боязнь неопределенности прямо связана с низким уровнем субъектности, превращением социума в совершенно пластичную среду. Но у этого фактора есть и вторая сторона. Умение приспособливаться к резким изменениям, не вступая в прямой конфликт с их источниками, снижает уровень социальных конфликтов. Этот столетиями формируемый опыт, связанный с резкими переменами повестки и адаптацией к новым обстоятельствам, не забыт и сегодня: самые строгие запреты признаются формально, но сразу же находится огромное количество тактических вариантов как-то снизить эффективность их действия, защитить частное пространство.

Особую и пока плохо изученную функцию буфера играет низовой административный персонал, который одновременно находится в двух ролевых моделях: контролера и контролируемого,

представителя власти и населения. Такой сплав обеспечивает включение логики каждого уровня. За счет этого буферного слоя происходит основное количество неформальных соглашений: «мы как власть не видим, не замечаем, где-то помогаем, вы – не переходите определенные границы». Кстати, именно с особенностью этого звена связана (в лице медицинского персонала) проблема фальсификации сертификатов вакцинации.

В большей степени к такой адаптации приспособлены города, в которых сложился многоукладный образ жизни, возникла более сложная социальная структура. В них больше пространства для маневра: уйти во фриланс, сменить работу, договориться с врачом, найти ресторан или баню, куда пустят с черного хода, и т. д. Опыт первого локдауна говорит, что через два месяца контроль начинает принимать все более имитационные формы. Люди уже не воспринимают тревожные сигналы, которые посылают власти. Телевизор превратился в подвижные обои, рекламные подачи – в белый шум.

К концу второго года эпидемии не менее половины принимаемых решений расцениваются в общественном сознании как абсурдные (сидеть в ресторане за столиком нельзя, но толкаться в метро можно, в кино или спортзал нельзя, но можно в театр и музей).

В такой ситуации агрессивная мобилизационная политика будет брать разгон, но каждый раз наталкиваться на ограничение: опасность передавить, создать ситуацию, в которой общество начнет закипать. Скорее всего, будет выбран путь дальнейшей сегрегации, постоянного сжатия социального пространства для тех, кто не прошел вакцинацию. Но здесь, конечно, надо оставаться реалистами по показателям. Сегодня в России уровень полной вакцинации – примерно 40% от общего числа жителей, т. е. около половины взрослого населения (данные официальных и независимых источников заметно различаются, это средняя величина). В сравнении с мировой практикой пока немного, особенно с учетом производства своих вакцин. Скорее всего, путем жестких административных усилий к весне удастся достигнуть показателя в 55–60%, но к этому моменту начнут

терять валидность сертификаты, полученные год назад. То есть статистика опять собьется, все пойдет по кругу. Мы не знаем долю фальсифицированных сертификатов, интуитивно она составляет около 5%, но по мере усиления давления будет иметь тягу к возрастанию. Такова новая реальность, в которой нам предстоит жить. Остается читать книги по управлению процессами в ситуации полной неопределенности.

[Читать на сайте: Ведомости](#)